

Глава 44. Я хочу его любить

—

Все во Втором легионе знали, что настроение командира в последнее время очень плохое, даже ужасное.

В прошлом году они еще иногда могли видеть его невольную улыбку, теперь же остались только ледяной тон и непроницаемое лицо.

Хотя надо признать, что такой командир обладал довольно аскетичным и суровым видом, и эффективность работы всего корпуса возросла во много раз, но... никто не хотел жить каждый день, окруженный холодом!!!

Даже ходили тайные возмущенные предположения, что его кто-то бросил, он пережил душевную травму и теперь пытается заглушить боль работой.

В огромном кабинете Цзи Юйчжоу сидел с бесстрастным лицом. Перед ним сидел Лю Хэван с выражением полного бессилия на лице: «Умоляю вас, адмирал Цзи, раньше вы пили до кровотечения из желудка ради приемов, а теперь даже не знаете, что у вас температура 39°. Даже если у вас дела огромной важности, пожалуйста, хоть немного заботьтесь о своем теле!»

Цзи Юйчжоу тихо ответил, запивая водой лекарство, которое дал Лю Хэван: «Понял».

Лю Хэван: «...»

Хорошо, он знал, что этот господин его совсем не слушает.

Лю Хэван без колебаний применил свое секретное оружие: «Так... Сюньей тоже будет волноваться».

Как и ожидалось, Цзи Юйчжоу внезапно поднял глаза: «Не говори ему».

«Эх», — Лю Хэван глубоко вздохнул, беспомощно глядя на Цзи Юйчжоу: «Зачем ты так себя ведешь? Ты явно любишь его, но все равно заставил его уехать. Я ли не знаю твоих методов? Пока он еще молод, если ты его немного потренируешь, боюсь, он захочет отдать тебе всю свою жизнь... Сюньей также очень послушен, нет ничего плохого в том, чтобы держать его рядом с собой».

Черные глаза Цзи Юйчжоу смотрели на Лю Хэвана, подобно глубокому озеру, и на мгновение Лю Хэван почувствовал холод, словно упал в пропасть.

«Это не было моим намерением».

Но вскоре Цзи Юйчжоу отвел взгляд, слегка прикрыл веки, полностью скрыв эмоции в глазах: «Я не хочу держать его взаперти».

Его голос был холодным, но Лю Хэван услышал в нем глубоко скрытую нежность: «Я хочу его любить».

«Ладно, ладно», — Лю Хэван, будучи холостяком, чувствовал, как ледяная собачья еда шлепает ему по лицу. Он поспешно прервал Цзи Юйчжоу: «Но теперь, когда ты его отослал, что собираешься делать?»

«Он поедет на стажировку на Гамма-звезду на год, встретит много разных людей, увидит места, которые раньше не видел, и сможет обрести достаточно независимые чувства, спокойно обдумать свои чувства ко мне. Через год он сможет выбрать, остаться или уйти, я уважаю его выбор».

Лю Хэван помолчал немного, покачал головой и легко фыркнул: «Я видел, как ты плетешь интриги и захватываешь то, что тебе нужно, но впервые вижу, чтобы ты был таким...» Лю Хэван подбирал слова, продолжая: «...Таким джентльменским и сдержанным».

Выражение лица Цзи Юйчжоу оставалось обычным, только холод в его глазах немного рассеялся: «Потому что он этого достоин».

—

Отправив Лю Хэвана, Цзи Юйчжоу массировал свои ноющие виски.

Ему нездоровилось, и в жаропонижающем средстве было успокаивающее вещество. Даже Цзи Юйчжоу, с его стальным телом, не мог этого выдержать.

Он закрыл личный терминал, полусидя откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

Наступила поздняя осень, холод был сильный. Ветви деревьев за окном были голые, можно было легко сосчитать, сколько сухих листьев все еще упорно не желают опадать.

Сильный холодный ветер трепал окна. Цзи Юйчжоу почувствовал раздражение, поднял глаза и только тогда обнаружил, что за окном незаметно пошел снег.

Цзи Юйчжоу встал и подошел к окну.

Снежинки были небольшие, и, казалось, только начали падать. Земля была все еще чистая, без следов снега. Цзи Юйчжоу протянул руку, чтобы поймать косо падающую снежинку. Не успев рассмотреть ее форму, снежинка превратилась в едва заметное пятнышко воды, оставив лишь немного холода на кончике пальца.

Интересно, идет ли снег на Гамма-звезде, и не холодно ли ребенку.

Цзи Юйчжоу не считал себя человеком, который легко поддается меланхолии, и редко обращал внимание на изменение погоды.

За те несколько месяцев, что Цзян Сюньюй находился на Гамма-звезде, Цзи Юйчжоу старался ограничивать количество своих сообщений ему.

Он хотел дать ему достаточно времени, чтобы спокойно подумать.

Впервые Цзи Юйчжоу почувствовал, что год – это так долго. Хотя он каждый день полностью загружал себя работой, в свободные минуты смущенное или робкое выражение лица ребенка проникало ему в голову, когда он не ожидал.

Даже во сне это был его образ.

Цзи Юйчжоу закрыл окно, переставая мучить себя, и отправил Цзян Сюньюю сообщение: «Как погода в последнее время?»

Вскоре после того, как Цзи Юйчжоу отправил сообщение, пришел запрос на связь от Цзян Сюньюя.

Цзи Юйчжоу подсознательно поправил свою военную форму, дважды пригладил и без того аккуратно причесанные волосы, а затем нажал кнопку ответа.

Через экран силуэт Цзян Сюньюя ясно появился перед Цзи Юйчжоу.

Позади Цзян Сюньюя простиралась бескрайняя пустыня. Его и без того мягкие волосы немного развевались на ветру, но кожа была такой же белой, как и когда он уезжал, совершенно не загоревшая.

Под большим капюшоном на лице Цзян Сюньюя был легкий румянец смущения: «Господин... господин Цзи, я вас не побеспокоил?»

Ранее Цзян Сюньюй иногда пытался связаться с Цзи Юйчжоу, но звонки не проходили. Увидев сообщение от Цзи Юйчжоу, он так разволновался, что, не раздумывая, отправил запрос на связь.

После импульсивного поступка он немного пожалел, боясь, что помешал Цзи Юйчжоу работать.

Цзи Юйчжоу тихо сказал «хм», отвечая на вопрос Цзян Сюньюя. «Что ты делаешь?»

Он видел запросы на связь от Цзян Сюньюя раньше, даже иногда перечитывал эти сообщения. Его разум был на пределе, заставляя себя быть жестким и не отвечать.

Но в глубине души его тоска была ничуть не меньше, чем у Цзян Сюньюя.

Цзян Сюньюй неосознанно облизнул губы, немного смущенно: «На полевых учениях, сейчас перерыв, скоро пойдем дальше».

«Мм, удачи».

Неизбежно чувство отчуждения, вызванное временем и пространством. Слушая мягкий голос ребенка, Цзи Юйчжоу все равно чувствовал себя комфортно. Он тихо рассмеялся и посоветовал: «Погода в последнее время сильно меняется, берегись, чтобы не простудиться».

Цзян Сюньюй никогда не думал, что Цзи Юйчжоу специально напомнит ему об этом. На мгновение он не знал, что сказать, непроизвольно дважды кашлянул, и румянец на его щеках стал еще ярче: «Вы тоже».

Не успел он договорить, как рядом выскочил силуэт молодого человека: «Сюньюй, с кем ты там тайком общаешься! Я тебя поймал...»

Молодой человек запнулся на середине фразы, когда увидел, кто на другом конце связи, и мгновенно изменился в лице.

«Н-н-н-нет, извините, вы... вы продолжайте...»

Цзи Юйчжоу узнал его. Это был тот Шэнь Цюян, с которым Цзян Сюньюй жил вместе.

Он улыбнулся, не рассердившись: «Больше никаких дел нет, иди отдохни немного».

В глазах Цзян Сюньюя явно промелькнула тоска, он еще хотел что-то сказать, но Цзи Юйчжоу собрался с духом и повторил: «Иди».

Цзян Сюньюй кивнул, тихо сказав: «До свидания, господин Цзи».

Связь прервалась, экран коммуникатора погас. Беспокойный зверь в сердце Цзи Юйчжоу наконец получил то, что хотел, и постепенно успокоился.

У него больше не было желания спать, он вернулся к письменному столу и продолжил заниматься оставшимися документами.

Только поздней ночью, когда сияли луна и звезды, Цзи Юйчжоу один поехал обратно на машине.

В любом случае, дома его никто не ждал, было все равно, во сколько он вернется.

Цзян Сюньюя не было, и Сяо Си потерял свое предназначение, но, подумав о том, что этот шумный маленький робот провел целый год с Цзян Сюньюем, по непонятной прихоти Цзи Юйчжоу не отключил его, а оставил блуждать по дому.

Когда он открыл дверь, Сяо Си, как обычно, встретил его у входа: «Господин Цзи, вы вернулись!»

Цзи Юйчжоу кивнул, снимая военный мундир и вешая его на вешалку.

Он расстегнул пуговицы, собираясь принять душ. Сяо Си преградил ему путь: «Господин Цзи! Подождите!!»

Цзи Юйчжоу остановился: «Что?»

Сяо Си рассмеялся «хе-хе», словно делая подношение, достал из «груди» листок бумаги и передал Цзи Юйчжоу: «Я нашел это в комнате Сяо Сюньюя. Вам должно понравиться».

Цзи Юйчжоу нерешительно взял листок и развернул его. На нем беспорядочно были начертаны слова. Почерк был очень знаком Цзи Юйчжоу, явно принадлежал Цзян Сюньюю.

Слова были написаны с исправлениями и помарками, было очевидно, что владелец писал их в плохом настроении. Содержание слов было крайне однообразным, повторялись всего три слова, расположенные в разных местах.

«Цзи Юйчжоу»

«Люблю»

Почерк был очень сильным, в некоторых местах бумага была даже процарапана.

Цзян Сюньюй написал не «господин Цзи», а «Цзи Юйчжоу».

Это имя он никогда не произносил в лицо Цзи Юйчжоу, но тихо проговаривал его в сердце и на бумаге тысячу раз.

Это словно явно говорило Цзи Юйчжоу, что он любит его, без всякой другой причины, просто потому, что это *этот* человек.

В глазах Цзи Юйчжоу вспыхнул бурный чернильный цвет, настолько густой, что его невозможно было рассеять.

Он снова сложил листок бумаги, и когда посмотрел на Сяо Си, во взгляде его явно добавилось тепла.

«Спасибо».

В тот же вечер Цзи Юйчжоу лично распорядился обновить систему и батарею Сяо Си.

По пути на станцию обновления Сяо Си находился в некотором оцепенении. До самого конца он так и не понял, чего было больше: грусти от съеденной собачьей еды или радости от обновления.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131919>